PG3476
.C4344
D33
1926

.ЧЕРНИЙ

ДАЕШЬ ШПАНУ!

№ 15

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

БЕГЕМОТ

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010304011

ee PG3476
C .C4344
D33
1926

В. ЧЕРНИЙ

ДАЕШЬ ШПАНУ!

DAESH' SHPANU

ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА
„БЕГЕМОТА"
Ленинград—1926

□□□ ТИПОГРАФИЯ □□□
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО,
ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 57.

Ленинградский Гублит № 15786. Тираж 20.000 экз.
Заказ № 4907.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в 1882 году на Кубани, в степи, под копной. Родился внезапно.

Так же внезапно и умру, но не скоро. В нашем роду раньше 80 не умирают. Мне сейчас 44, значит, осталось еще 36. Три дюжины.

Ого-го! За это время я напишу много сочных, ароматных книг.

Эта книжка плохая, но все следующие будут «гвоздями».

Самая замечательная будет, конечно, последняя книга, потому что в жизни все делается в последний момент.

Закончу я свою лучшую книгу минуты за три до смерти.

И когда поставлю последнюю точку, тут меня, голубчика, и кладите в гробик.

А рукопись — в набор!

P. S. Холост. На обложке — фотография младшего сына.

В. Черний.

ДАЕШЬ ШПАНУ!

На окраине, звонко смеясь, расклеивали комсомольцы пестрые афиши:

Сегодня в клубе лекция:
ДАЕШЬ ШПАНУ!
Начало в 9 веч.
ХУЛИГАНАМ ВХОД ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

Уже в 8½ час. пробовали бросить в зал антоновское яблоко, — оно не упало: некуда было упасть.

Вся окраинная шпана, все хулиганье приперло в клуб и заняло в зале лучшие места.

Здесь никогда не бывало так многолюдно. Плохая слава была за этим клубом. Хозяйничали в нем хулиганы: били стекла, пачкали стены, плевали с хор на танцующих, устраивали в библиотеке драки; а раз утром в зале перед трюмо завклубом наткнулся на такую штуку, что и написать нельзя. Женщины боялись хо-

дить в клуб. У правленцев опускались руки: «хоть закрывай!»

И вдруг эта лекция: битковой сбор и самое изумительное — образцовый порядок и тишина. Шпана, заинтригованная афишей, притихла и с жадным любопытством ждала начала: ведь лекция будет о ней. Даже семячек не грызли.

Ровно в девять раздвинулся занавес. На сцене за столиком сидел плотный человек с выбритой головой. Он засмеялся и сказал:

— Полно! Я так и знал.

Человек встал из-за стола, подошел к рампе и спросил:

— А что, есть здесь хулиганы, а?

В задних рядах засмеялись.

— Мне бы хоть парочку. Я опыты буду показывать.

Зал молчал.

— Значит, нет! — сказал лектор. — Ну, ладно. После лекции я покажу вам своих собственных хулиганов, — я привез с собою две штуки. А теперь позвольте мне начать.

Лектор сел за столик, погладил голову и начал:

— С полгода тому назад шел я по Проспекту 25-го Октября. Смотрю, на Аничковом мосту — паника: народ кидается от перил на середину моста. Я заинтересовался, вхожу на мост как-раз у перил и вижу: прямо на меня прет

здоровенный парень с нахальной рожей. Фуражка набекрень, широченный клеш развевается, а в руках тросточка, которою он размахивает во все стороны. На середине моста стоит бородатый гражданин в разорванной шляпе (попала, видно, под тросточку). Ругается гражданин: «Ах, ты, хулиган несчастный!» Замахнулся было парень и на меня, а я снял шляпу и говорю любезно:

— Здравствуйте, дорогой друг! Давно мечтал познакомиться с вами. Осчастливьте своим посещением мой дом. Возьмем извозчика и поедем. Не вздумайте только отказываться, вы — уже мой гость.

Я взял под-руку растерявшегося от неожиданности парня. Он пошел со мной, покорный как овца.

Привез я его к себе и повел в столовую, где за чаем сидела моя семья.

— Позвольте представить вам изумительного жонглера, только что приехавшего из Америки, — сказал я, подводя парня к жене и дочери. — Он выступает в Госцирке, а сейчас на Проспекте 25 Октября сбивал тросточкой с прохожих шляпы с такой ловкостью, что все были потрясены, особенно один гражданин, у которого он рассек шляпу пополам.

Жена и дочь любезно поздоровались с парнем и усадили его за стол.

Парень стеснялся. Но жена и дочь так нежно

ухаживали за ним, что он осмелел, приналег на сладкий пирог и выдул шесть чашек чаю.

Говорили о спорте; т.-е. говорили я и дочь— руководитель спортивного кружка. Парень сопел и внимательно слушал.

После чая я увел его к себе в кабинет, усадил в кресло, предложил папиросу. Он с наслаждением закурил и сказал смущенно:

— Товарищ, вы принимаете меня за кого-то. В цирке я не работаю, в Америке сроду не был и спортом не занимаюсь.

— Что вы, помилуйте! А как же работа с тросточкой на Аничковом мосту? Изумительная работа!

— Ну, что вы, товарищ! Какая же это работа? Просто хулиганство. Вот теперь я действительно займусь спортом.

Парень стал работать в спортивном кружке и с первых же дней поразил всех изумительной ловкостью. Теперь уже ясно, что из него выйдет лучший спортсмен в РСФСР.

Лектор встал из-за стола и, подойдя к рампе, спросил сидевшего в 1-м ряду хулигана:

— Нравится вам эта история?

— Ну, да, нравится, — ответил тот и добавил задумчиво: — вот кабы и мне в спортивный кружок, я показал бы...

— А что, есть способности? — спросил лектор.

— Он лучше всех бьется на кулачках, — сказал сидевший рядом шкет.

— Ага! Значит, надо изучать бокс, — сказал лектор.

Историю эту я рассказал, чтобы показать, как важно направить по верному пути то, что выпирает из человека. Теперь еще случай. Раз встретил я плетущегося извозчика, на котором сидели три подростка с лихо зачесанными чубами. Они переругивались между собой. Один вдруг крикнул: «Тише, шпана! Я все знаю, я — профессор!»

— Простите, профессор, мне нужно поговорить с вами, — сказал я...

«Профессор» прыгнул с извозчика и, засунув руку в карман, ответил:

— Вам нужен кремень для зажигалки? Есть. Помню, вы у меня брали.

— Это потом, — сказал я, — а сейчас я очень прошу вас пойти со мной на одно заседание. Там будет много профессоров. Недостает только вас.

— Хорошо! — важно сказал «профессор» и, не попрощавшись с приятелями, пошел со мной.

— Видите ли, — начал я, — вы только-что сказали, что все знаете.

— Да, я все знаю! — уверенно повторил «профессор»...

— Вот и отлично. А там, куда мы идем, есть профессора, которые не все еще знают. Вы им расскажете.

— Еще как расскажу! — И, засунув два пальца в рот, он свистнул.

На нас покосился милиционер.

— Ишь, мильтон! — засмеялся «профессор».

Мы пришли на заседание «комиссии по борьбе с хулиганством».

Приведенный мною «профессор» рассказал комиссии о хулиганстве такие подробности, что комиссия только глазами хлопала от изумления.

Мой «профессор» был избран членом «комиссии по борьбе с хулиганством» и прикомандирован ко мне.

И спортсмен, и «профессор» оказались парнями, что надо. Работа у нас закипела. Они установили связь с самым ядром шпаны, из которой они вышли и где были своими людьми. За полгода мы проделали огромную работу. Спортивные кружки и клубы на окраинах растут, как грибы, втягивая в себя огромную массу хулиганствующего элемента.

В начале лекции я обещал показать вам парочку хулиганов. Сейчас вы их увидите.

Лектор подошел к кулисам и сказал:

— Пожалуйте!

На сцену вышел плотный малый в спортивном костюме. Он поклонился и сказал с улыбкой:

— Да, это я был хулиганом. А почему? Да силищи — пропасть, времени — пропасть, ну, и

куралесил. А теперь — баста! Нашел место, куда и силу, и время девать. Бросайте, говарищи, хулиганить, как бросил я, и идите в наши кружки и клубы. Мы вас научим весело проводить время. Я не оратор — говорить не умею и ограничусь призывом: идите к нам, долой хулиганство!

Зал загрохотал от рукоплесканий, шпана бешено аплодировала «своему».

— А теперь хулиган № 2-й, — сказал лектор.

На сцену выскочил небольшой, сухопарый паренек.

— Дорогая моя, горячо любимая, родная шпана! — быстро заговорил он. — Я — ваш, весь — от пяток до макушки — ваш. Когда меня взяли с извозчика, на котором я «задавался», у меня так же, как и у вас, кроме чуба и финского ножа, ни черта не было за душой. С улицы я попал к людям, которые, оказывая мне помощь, сами просили ее у меня. И я помог: я указал им самый короткий путь к нашим замусоренным душам.

Милая моя шпана, к нам идут на помощь. Мы тонем нравственно и нам протягивают багры, бросают спасательные круги. Но этого еще мало. Мы должны обратить на себя внимание всего общества, благополучию которого мы угрожаем. В воскресенье устраивается общегородская демонстрация шпаны, хулиганов и

шкетов. Мы пройдем по центральным улицам со своими плакатами, знаменами, со своими лозунгами и требованиями. Призываю вас всех на эту мирную демонстрацию без финских ножей и прочего оружия, которое вы бросите сегодня же в воду, проходя по мосту. Даешь оружие?

— Даешь! — заревел зал.

Оратор, как кошка, прыгнул в зал, за ним последовали спортсмен и лектор. Они с улыбками жали налево и направо руки, приговаривая:

— Будем друзьями на всю жизнь! Даешь?

— Даешь! — грохотал радостно зал.

Вся шпана провожала до трамвая новых своих друзей. На мосту в воду обрушился целый дождь из ножей. Трамвай отошел при восторженных криках шпаны.

А в воскресенье состоялась демонстрация шпаны. Очень удалась. Выделялся плакат — обращение к писателям и художникам:

ЭЙ, ПИСАТЕЛИ И ХУДОЖНИКИ!

Приезжайте по вечерам на окраины, в наши клубы. Нам скучно, нас распирает от накопившейся энергии, желаний, которых мы не умеем использовать.

Вместо того, чтобы сидеть в пивных и шляться по игорным домам, приезжайте к шпане!

МЫ ЖДЕМ ВАС! ДАЕШЬ ВЕЧЕР!

Художники и писатели! Ездили вы хоть раз на окраины, в клубы к шпане, которая жадно ждет вас?

Если не ездили еще, то поезжайте! Сегодня же!

А если вы не поедете туда вовсе, — грош цена всем вашим рассуждениям об искусстве.

Даешь мозг!

ТРЕСТ ФЕЛИЦАТЫ

I.

Звонок был веселый, рокотал. Дверь открывали быстро.

И сразу же входящий натыкался на молодое женское тело. В лице — плоть, кровь и молоко. И улыбка широкая, радушная: — пожалуйте! Это — горничная Наташа.

Фелицата принимала в столовой.

На столе круглые сутки кипел самовар и стояли бутылки с винами, ликерами и еда всякая.

За столом восседала Фелицата в белом халате, белая, сдобная и в лице — тоже плоть, кровь и молоко. Полные руки засучены, в зубах папироска и будто выпивши.

А возле Фелицаты — дочки: Надежда и Вера. Красавицы — в мать: рослые, белые, из крупчатки и на молоке. И обе — акушерки.

— Наше дело ночное... — рокотала баском Фелицата. — Жизнь вкусная, веселая, сна

только мало. Годов двадцать уже собираюсь выспаться и не могу, потому что рождается человек ночью. Так уж от бога положено. Днем не уснешь, народ с утра, а ночью на работе. Еще стаканчик, со сливками, — угощает Фелицата клиента, — и пирожка возьмите, на молоке пирог-то!

И казалось, что все в этом доме пропитано молоком: женщины, пироги, воздух. Пахло молоком густым, вкусным, целебным. И от запаха кружилась голова и клонило ко сну.

Из покоев Фелицаты и дочерей коридор ведет в палаты. Пол в коридоре покрыт толстым ковром, воздух здесь нем, и в палаты не доносятся звуки. Там тишина, полумрак и тайна.

А у подъезда беспрерывно останавливаются извозчики, автомобили, кареты с гербами.

И по широкой лестнице ведут стонущих женщин с огромными, страшными животами.

Рокочет звонок, ловко распахивает дверь Наташа.

И встречает брюхатых гостей выпившая, пахнущая молоком Фелицата. Улыбается румяно, подмигивает и сыплет прибаутками:

— Любишь кататься, люби и саночки возить. Ничего, таз широкий; двойню родишь—не крякнешь!

В немом коридоре стихают стоны.

В заведении Фелицаты подводятся итоги любви.

II.

Пришел «голый год».

Повесили замки на магазинах роскоши. Погасли огни ресторанов. Холеное женское тело вывезли за границу.

И стало пусто, тихо у Фелицаты. Не рокотал уже звонок. На двери прибит щиток: «прошу стучать».

На стук открывает робко Наташа и спрашивает через цепочку:

— Вам кого?

Фелицата тоже присмирела. Принимает уже не в столовой, а в деловой, прохладной комнате.

И разговор сухой, без прибауток:

— Пятьдесят косых, три фунта керосина (воду на примусе греть), ваты фунт, марли стерилизованной, бинтов, иоду, постельное белье, пеленки для ребенка. Все это доставить мне вместе с роженицей. А кроме того фунтов десять белой муки для пирога (это у нас уж так полагается) и все прочее, что нужно для пирога: масло, рис, яйца...

В квартире холодно, и вся она стала строгой, аскетичной. Не чувствуется в ней больше плоть, не пахнет молоком.

Голый год...

III.

И вдруг...

Засверкали снова огни ресторанов. Заржали жеребцы у лихачей, шофферы захрюкали рожками.

Мчится по Невскому жирный нэпман, а рядом — розовое женское тело.

Опять музыка, вино, цветы...

Опять кричит плоть.

У Фелицаты звонок рокочет. Но уже не привозят к ней уродов с горбатым животом. Фелицата теперь — спец по аборту.

Что запрещено, то сладко. Есть риск, опасность, а, значит, — смелость, размах, удаль.

А Фелицата — баба удалая.

Нэпманы любят Фелицату, острят:

— У вас, Фелицата Кондратьевна, — абортный трест.

Опять кипит в столовой самовар и ломится стол от пищи.

Фелицата всегда навеселе. И дочки стали выпивать. Сойдутся втроем, перемигиваются, хохочут.

Много работы у матери и дочерей. Ползут в квартиру червонцы.

И к запаху женского тела, молока и похоти словно прибавился еще запах крови. И с непривычки слегка тошнит и кружит голову.

РАССЛАБЛЕННЫЕ

(Из быта литературной богемы).

1.

Редакция еженедельника. В приемной — пятеро. Ждут редактора, чтобы выпросить аванс. Два поэта, вялые, с помятыми лицами, дремлют на диване.

Три беллетриста, Строков, Плагин и Гонорский, сидят за столом. Они курят, сочно зевают и изредка говорят:

— Да-а... Тэк-с... Хо-хо-хо... А в общем — скверно... Который час?..

Но ни у одного нет часов, а редакционные стоят.

— Вот что... Надо как-нибудь выяснить это... — сказал Строков.

— Что? — спросил Плагин.

— Каким образом смыть с себя апатию и серьезно засесть за работу.

— Мне знакомый врач советует водолечение.

— Ерунда!

— Нет, не ерунда. Все мы — неврастеники...

— Ерунда!

— Вы вот говорите — неврастеники... — вмешался Гонорский. — А почему неврастеники? От убийственного образа жизни. Как мы живем? Ужас!... Мне, например, писать не на чем. Стола нет. Понимаете, у писателя нет стола!... Стоит в комнате студень какой-то вместо стола. Дрожит весь. Ножки, как у паралитика, самовар опасно поставить. Пробовал писать на нем — не могу. Дрожит, ножки подламываются. Писать трудней чем в поезде. Попросил у хозяйки другой стол. Нет другого. Предложила больничный столик (я живу в семье врача). Взял. Крошечный белый столик. Ночной. Вот какие у кроватей больных стоят. Ну, и пишу на нем. Обхвачу ногами, чтобы не шатался, и пишу. Неудобно: доска мала, правый локоть висит, быстро устаешь... Но что делать... Боже мой, при каких условиях приходится работать русскому писателю!

— Ерунда! — перебил Строков. — Я лучшие свои вещи на подоконнике написал. Прислонишь колени к сырой стенке и строчишь. Ноги ломит, штопором сверлит, — не замечаешь, как в огне горишь, пишешь...

— Это порыв. А на нем далеко не уедешь. Нужна система. Нужно каждый день писать. «Nulla dies sine linea» — золотыми буквами было написано на камине у Золя.

— Верно, — сказал Плагин. — А как этого добиться? Это же страшно трудно.

— Я знаю верное средство.

— Какое? — с любопытством спросили Строков и Плагин.

— Завести хороший стол.

— Ерунда! — сказал Строков.

— Нет, не ерунда! Стол имеет огромное психологическое значение. Сядешь за него и сразу отрешаешься от мира, концентрируешь внимание на теме, которая захватывает все глубже, шире... И вы знаете, какой стол надо покупать? Не обыкновенный письменный, нет. Непременно конторский, американский, с целой системой отдельных ящиков. Эти ящики удивительно удобны, — они разгружают память. Вы с молниеносной быстротой распределяете заметки, сделанные за день, по ящикам и вам легко ориентироваться в накопляемом материале. У меня, например, сейчас все в записных книжках, в папках. Иногда является желание кончить начатый рассказ или обработать черновик, но не помнишь, где он лежит, лень искать и не работаешь. А когда у вас стол с ящиками, вы сразу находите нужное, потому что...

— Ерунда! — сказал Строков. — Мне, например, нечего класть в ваши ящики, потому что у меня нет никаких заметок, нет начатых рассказов, нет черновиков. Я пишу сразу...

— Да, стол мало поможет, — согласился Плагин. — Это вам только так кажется. А заведете стол, и через неделю в одном ящике будет лежать женский чулок, в другом — какой-нибудь бантик... Нет, дело не в этом, — вздохнул Плагин. — Однако, папаша не идет... Который час?

Но ни у кого не было часов, а редакционные стояли.

Зевнули.

— Да, да... Тэк-с... Хо-хо-хо... А в общем — скверно...

2.

Так и не дождались пятеро одного и вяло разбрелись, ругаясь и позевывая.

Гонорский шел по Невскому и думал:

— Нет, нужен, нужен стол... Без стола я не напишу больше ни одной строчки.

Он вспомнил стол, который осматривал недавно в магазине американской мебели, и улыбнулся.

— Сегодня же попрошу аванс у издателя, — решил он, — пусть роскошелится старина.

Гонорский повеселел, взял извозчика и поехал домой.

Дома он позвонил издателю и долго доказывал ему, что письменный стол необходим писателю, как воздух; письменный стол — это орудие производства для писателя.

Издатель мычал, вздыхал, жаловался, но аванс все-таки дал.

Гонорский выпил вина, написал любовное письмо, оделся и вышел на улицу. Опустил письмо в ящик, постоял, подумал, зевнул.

— Писать т.-е. никакого желания... Куплю стол, буду писать день и ночь, — подумал Гонорский и вошел в ближайшее кино.

3.

Через неделю американский стол уже стоял в комнате Гонорского. Стол блестел, на нем не было ни одной пылинки, но Гонорский долго вытирал его полотенцем. Потом достал из шкафа папки с рукописями, темами и заметками и стал распределять весь этот материал по ящикам стола. К удивлению Гонорского материала оказалось совсем немного. Несколько ящиков остались пустыми, в некоторых лежали две — три записочки.

— Жидковато... — вздохнул Гонорский. — Ну, ничего, теперь настрочу. Завтра же засяду, сегодня устал что-то...

Гонорский оделся и поехал на Невский в кафе.

Прошло недели две, а работа все не налаживалась. Стол с дрожащими ножками убрали из комнаты. Есть на новом столе Гонорский считал кощунством, и приходилось завтракать

и пить чай на подоконнике. Новый изящный стол занимал много места в тесной комнатке и только подчеркивал убогость обстановки. Сидя за столом, Гонорский испытывал такое ощущение, как будто кто стоит у него за спиной, и оглядывался. Действительно, сзади стоял безобразный жестяной умывальник. Все это раздражало, мешало сосредоточиться. И не работалось. Написав за весь день несколько строк, Гонорский к вечеру страшно уставал от напряженного состояния и бежал в кино или в кафе. Там он жаловался приятелям на усталость и восклицал:

— Что стол!... Один стол — ерунда. Нужна квартира. Теперь мне это уже ясно. Только в квартире можно работать спокойно, никакая скотина не помешает.

— Так найми квартиру, — советовали приятели.

— И найму. Вот увидите!

Гонорский опять атаковал издателя и доказал ему, что без квартиры он не может написать больше ни одной строчки, без квартиры он задыхается, квартира — это орудие производства для писателя и проч. И добрый старик дал новый аванс.

После долгих поисков, хлопот квартира была, наконец, нанята, обставлена, залита электричеством и наполнена приятелями, приглашенными на новоселье.

Приятели жадно уничтожали закуски и вино, а Гонорский весело повторял:

— Завтра же засяду за работу. Чувствую необычайный прилив энергии, хоть роман пиши.

— Валяй, катай, засмаливай!... — одобряли приятели.

Но ни завтра, ни послезавтра Гонорский за работу не засел. В день новоселья три приятеля остались у него ночевать. Двух он положил в кабинете. На другой день приятели встали поздно и Гонорский не смог работать. Встав, приятели долго пили чай и доедали вчерашние закуски, потом предложили сыграть в винт. Гонорский поморщился, посмотрел на часы, но было уже поздно, писать не хотелось и согласился. Играли и до обеда, и после обеда. Потом долго, с разговорами пили чай. И снова приятели остались ночевать.

Войдя утром в кабинет, чтобы разбудить приятелей, Гонорский увидел, что один из них сидит за письменным столом и строчит.

— Что это ты? — спросил Гонорский.

— Не мешай, — сухо ответил тот, — я пишу.

— А когда он кончит, я буду писать фельетон, — добавил второй, потягиваясь на диване.

Гонорский молча вышел из кабинета. На душе была смертельная тоска.

Дни летели, как минуты. И с каждой минутой Гонорский все меньше и меньше стано-

вился хозяином в собственной квартире. Ее целый день наполняли сперва только приятели, а потом и совершенно незнакомые люди, которых приводили приятели и забывали представить хозяину.

Весь этот народ ел, пил за счет Гонорского, играл в карты, спал в его квартире. Письменный стол всегда был кем-нибудь занят.

Однажды Гонорский вошел в кабинет, — за письменным столом сидел незнакомый блондин без пиджака и писал. Блондин оглянулся и спросил:

— Что вам угодно? Я очень занят...

— Вот животное!... — подумал Гонорский и вышел из кабинета.

Писал Гонорский исключительно в ванной, так как другие комнаты всегда были заняты. Но и ванная часто бывала занята. Раз Гонорский застал в ванной какую-то женщину, которая завизжала, когда он вошел.

Скоро Гонорский совсем отбился от работы и весь день проводил в кафе. Деньги, полученные от издателя, давно были истрачены, Гонорский задолжал знакомым, в лавки, в рестораны...

И вот однажды вечером прилетела первая ласточка — повестка о протесте векселя Гонорского. Гонорский прочел повестку и пошел в кабинет. К его удивлению там никого не было. Он сел за письменный стол, заваленный бумагами, исписанными незнакомыми почерками.

Гонорский выдвинул ближайший ящик,—там лежали женский чулок и сломанная бритва. В другом ящике он нашел склянку с лекарством. Гонорский выдвигал ящик за ящиком: скорлупа от фисташек, недоеденное пирожное, грязные манжеты, флакон из-под одеколона... И ни одной его рукописи. Гонорский горько улыбнулся и задумался. И вдруг вспомнил...

Через несколько минут Гонорский мчался на извозчике к прежней своей хозяйке. Он встретил ее вчера на улице и узнал, что его комната освободилась.

На другой день Гонорский сидел за больничным столиком в своей старой комнате и жадно, вдохновенно писал. Отрываясь на минуту от рукописи и откинувшись на спинку стула, он нежно смотрел на стол с дрожащими ножками, на жестяной умывальник и шептал:

— Ах, как хорошо, чудесно здесь!...

Потом представлял себе появление судебного исполнителя в своей квартире и хохотал:

— Опишут, все опишут: и письменный стол с женскими чулками и фисташковой скорлупой, и ванну с незнакомой голой женщиной. Вот потеха!...

И снова принимался строчить. И казалось ему, что мчится он по воздуху на каком-то чудесном коне; и он плотнее обхватывал ногами столик, словно пришпоривал его. Никогда еще он не писал с таким вдохновением.

4.

Редакция еженедельника. В приемной — четверо. Ждут редактора, чтобы выпросить аванс.

Два поэта с помятыми лицами дремлют на диване.

Два беллетриста, Строков и Плагин, сидят за столом. Они курят, сочно зевают и изредка говорят:

— Да-да... Тэк-с... Хо-хо-хо... А в общем — скверно... Который час?..

Но ни у кого нет часов, а редакционные стоят.

Вот что... Надо как-нибудь выяснить это, — сказал Строков.

— Что? — спросил Плагин.

— Каким образом смыть с себя апатию и серьезно засесть за работу.

— Мне знакомый врач советует водолечение.

— Ерунда!

— Нет, не ерунда! Все мы — неврастеники...

— Я не неврастеник, — сказал Гонорский, входя в приемную. — Я могу теперь писать что угодно, сколько угодно, когда угодно, где угодно...

Поэты открыли глаза и взглянули на Гонорского.

— Как же вы этого достигли?

— А вот как, — сказал Гонорский и взял шляпу. — Видите? Это называется шляпа. Ее надевают на голову и быстро уходят отсюда. Нельзя полдня ждать редактора и переливать из пустого в порожнее. Надо бежать домой и работать, надо писать на первую попавшуюся тему, на первом попавшемся предмете: на стуле, рояле, на грудном ребенке, чорт возьми... До свиданья!... — Гонорский взмахнул шляпой и быстро вышел.

— Чудак! — сказал Строков.

— Да, он-таки чудаковат, — согласился Плагин. — Однако, папаша не идет... Который час?

Но ни у кого не было часов, а редакционные стояли.

— Да, да... Тэк-с... Хо-хо-хо... А в общем — скверно...

ПРОИСШЕСТВИЕ

Заняла свадьба полвагона.

Выставил жених самогон, пиво, угощает всех: и кондукторов, и пассажиров.

— Я, — говорит, — теперь человек семейный. Пей за мое здоровье! Самогону хватит, всех напою влоск. Одна неприятность: с товаропассажирским едем. Нельзя ли, товарищ кондуктор, подбавить пару?

— Никак невозможно! — отвечает кондуктор. — У нас теперь очень строго и все по инструкции.

— Чепуха! — сказал пассажир в очках.

— Как это так чепуха?...—обиделся главный кондуктор. — У нас для каждой должности инструкция...

— Ну, и что-ж?

— А то, что все в строгости исполняется.

Очки загоготали.

— Исполняется? Н-да... § 15 инструкции для кондукторов гласит: «Находясь на службе, кондуктор обязан быть в трезвом состоянии».

— А по сему случаю выпьем! — сказал жених и налил в стакан самогону.

Все выпили, кондуктора тоже.

Пассажир в очках закусил колбасой и продолжал:

— В том же § сказано: кондуктор обязан не входить ни с кем из посторонних лиц в частные беседы, не садиться между пассажирами и не собираться с другими кондукторами в одном месте...»

— Правильно! — сказал тщедушный кондукторишко с рыжей чахлой бороденкой. — Сразу видно, что в кондукторах служили.

— Нет, хватай выше! — небрежно сказал пассажир.

Кондуктора насторожились. Главный даже за фонарь взялся.

— Я лет пятнадцать заведывал в газете отделом железнодорожных происшествий, и все ваши инструкции на-зубок знаю.

— Инструкцию, ее, надо с умом понимать, — сказал кондукторишко. — Вот, скажем, хоть § 15-ый взять. — Действительно, §, как вы сказали, гласит: быть в трезвом состоянии. Но вы обратите внимание на § 29-й.

— 29-й? — спросил пассажир. — Этого не помню.

А! Вот то-то и оно! 29-й противоречит 15-му.

— Не может этого быть!..

— Не может? А вот послушайте!

Кондуктор вынул из кармана инструкцию, перелистал ее и стал читать:

«Кондуктор обязан вести себя по отношению к пассажирам вежливо и предупредительно, помня, что грубые и невежливые, возбуждающие недоразумения кондуктора не могут быть терпимы на службе».

— Правильно! — сказал главный кондуктор.

— Теперь перейдем к текущему моменту. Гражданин жених просят выпить по случаю торжества бракосочетания. Просят вежливо, благородно. § 15-й запрещает пить. Хорошо-с, откажусь я. § 15-й будет соблюден. Но § 29-й безусловно пострадал. Потому что разве вежливо отказаться от выпивки, да еще на свадьбе. А что, если я откажусь выпить, а гражданин жених обидятся. Выходит, что я груб, невежлив, возбуждаю недоразумения, а посему нетерпим на службе. Нет, уж лучше выпить.

— Выпить всегда лучше! — сказал жених, наливая в стаканы.

В этот момент поезд остановился.

— Какая станция? — сорвался со скамьи, как с цепи, дремавший шафер.

— Разъезд... — сказал главный кондуктор. — Сходи, Иваныч! — обратился он к рыжеватому кондуктору.

Тот взял фонарь и, пошатываясь, вышел.

— Скажи машинисту, чтобы поддал пару!— крикнул ему вслед жених.

— А вы поднесите паровозу рюмку — другую. Как зверь попрет... — сказал пассажир в очках.

— Паровозу? — засмеялся жених. — Верррна!.. Где Васька? — Жених обвел глазами вагон.

На скамейках храпели шафера, родственники, кондуктора, пассажиры... Уснула, забившись в угол, невеста. Всех уложил лютый свадебный самогон.

— Скоро спеклись! Ну, чорт с ними! Пойдем к машинисту! — жених потянул за собой пассажира в очках.

— Вам кого? — перегнулась с паровоза фигура.

— Машиниста! — сказал жених.

— Я за него, что надо?

— Тихий ход дюже. Нельзя ли поднажать. Свадьба едет. И так запоздали. Вот масленка, подмажь! — Жених протянул бутылку.

На паровозе засмеялись. Из-за спины первой фигуры высунулась вторая.

— Едем по инструкции. Скорей нельзя, — сказала первая фигура.

— Ну, положим, можно! — возразила вторая. — Только боюсь я брать эту посуду. Мы и так уже на взводе...

— Лучше не брать! — сказал первый со вздохом.

— Ну, положим, лучше взять! — возразил второй.

— А я думаю, что...

— В инструкции паровозному машинисту ясно сказано:

— Никакие пререкания между лицами паровозной бригады, находящейся на паровозе, недопустимы, — строго сказал второй.

— Слушаю! — подчинился первый.

— Садись! — крикнули с паровоза.

Жених и пассажир бросились к своему вагону.

Поезд тронулся.

В вагоне не спали только трое: жених, пассажир в очках и рыженький кондуктор.

— Ого! Сразу же нажал! Молодчина! — весело сказал жених, заменяя догоравшую на столике свечу целой. — Все дрыхнут, пить некому...

— Инструкцию, ее, надо с умом понимать, — сказал кондуктор. — Пассажиру по инструкции никак нельзя сгрубить. Значит, приходится выпить. И против закуски нет примечания в инструкции. Вот с пассажирами спать вповалку по инструкции не полагается. Заснул, а тут происшествие: разрыв поезда, или пожар... Я выпью еще пару рюмок и пойду на свой тормаз. Я — хвостовой. А по инструкции мое место на задней площадке хвостового вагона. Там и высплюсь. По инструкции...

Жених и пассажир в очках прижались друг к другу и захрапели.

Хвостовой посмотрел на них, икнул и, пошатываясь, вышел.

И на паровозе, и в свадебном вагоне была жуткая тишина.

Пьяный поезд проскочил, не останавливаясь, станцию, где должна была сойти свадьба.

А на подъеме оторвались два задних вагона — со свадьбой и с хвостовым кондуктором — и покатились назад.

На второй версте вагон со свадьбой загорелся. Свадьба сгорела до-тла, с шаферами и гостями — пассажирами.

А хвостового во-время сняли с тормаза.

Очнувшись, он сказал:

— Инструкцию, ее, надо с умом понимать...

РАСТОЧИТЕЛИ

Кравченко, заметив, что навстречу идет Петров, быстро нырнул с панели прямо под морду лошади. Но было уже поздно: Петров схватил его за рукав и потащил на панель.

— Осторожнее надо... — сказал Петров. — Лошади кусаются.

Да, да...—смущенно забормотал Кравченко.

Петров засмеялся и сказал:

— Вообще передвигаться пешком опасно. У людей существует идиотская привычка останавливать на улице знакомых и заводить длиннейшие разговоры. Я только-что встретил Жучкина. Он прижал меня к стене и часа полтора рассказывал, как он искал и не мог найти дачу. А перед ним Фитильков около часа жаловался на родственников жены, которые занимают видное положение в Курске и совершенно не помогают его семье. Рассказы эти отняли у меня все утро. Я ничего не сделал.

Кравченко посмотрел на часы и вздохнул.

— Я обыкновенно езжу в трамвае, — продолжал Петров, — там если и встретишь знакомых,

так по крайней мере хоть не стоишь на одном месте. А пешком — беда... Одного моего знакомого хотят уволить со службы за опаздывание; а он опаздывает из-за знакомых, которые задерживают его по дороге. И знаете, что он хочет сделать?

— Что? — спросил Кравченко, озираясь с тоской.

— Выходя из дому, привязывать себе бороду. Не узнают и не задержат. Во-время на службу попадет. Ловко придумано? — засмеялся Петров.

— Да, бороденку не мешало бы завести, — вздохнул Кравченко.

Петров зевнул, застегнул пуговицу и сказал уверенно:

— Медленно у нас прививается новый быт. А жаль. Бесцельная трата времени — тягчайшее преступление, за которое надо строго карать. Иначе мы не сдвинемся с места...

Кравченко тревожно оглянулся и сказал:

— Какая мука...

— В чем дело? — спросил Петров.

— Я... я...

— Ну?

— Простите, я очень тороплюсь...

Петров пожал плечами и сказал:

— Так какого же чорта вы молчали?

Кравченко сжал кулаки и прошипел в лицо Петрову:

— А вы на чорта рассказывали мне всю эту чепуху? На дьявола она мне нужна?

— Но вы могли прервать меня, сказать, что вам некогда.

— А почему вы не прервали Жучкина и Фитилькова, которые два с половиною часа рассказывали вам о даче и о курских родственниках.

Наступило молчание.

Противники впились друг в друга глазами, в которых было презрение.

Но вдруг на их лицах заиграли улыбки.

Кравченко подмигнул и сказал весело:

— Все равно я уже опоздал туда, куда торопился. Предлагаю вам зайти в низок.

— С удовольствием принимаю предложенье, — поклонился Петров. — Там, внизу, мы выпьем за новый быт, который так упорно не хочет привиться среди нас.

И, засмеявшись, оба нырнули в пивнушку.

«ЧУДНОЙ БАРИН»

Вечером к извозчику подошел человек в высокой барашковой шапке и спросил:

— Сколько до Лермонтовского проспекта?

— Полтора рублика положьте! Без лишнего...

— Ладно. Поедем! — Человек сел в пролетку.

Извозчик, трогая, сказал:

— Вот хороший барин! Не торгуется.

— Я, может, и хороший, да только не барин! — сухо ответил седок.

— А кто-ж вы?

— Кто угодно: гражданин, товарищ, друг, Максим Иваныч или просто: «Эй, ты, как тебя!» Но только не барин.

Извозчик прыснул в бороду и сказал, оборачиваясь к седоку:

— Веселый барин! Шутит...

— Нет, не шучу. Про барина лучше забудь: это теперь бранное слово, вроде матерщины. За «барина» в суд можно притянуть.

— В су-у-уд?... залился извозчик и от удовольствия покрутил головой. — Уморил барин...

— Я тебе что сказал?

— Гы-ы!.. Чудной барин...

— Ах, ты так!.. Езжай в милицию!

— Зачем? — с удивлением спросил извозчик, натягивая вожжи.

— Я попрошу составить протокол, а потом привлеку тебя к суду за оскорбление словами.

Извозчик хлопнул себя по коленям и от смеха чуть не свалился с козел.

— Ну, и барин попался!...

— Езжай в милицию! — рявкнул седок, грозно приподнимаясь.

Извозчик оборвал смех и оглянулся.

Лошадь остановилась как-раз у фонаря. Из темноты вынырнули любопытные. Подошел милиционер.

— В чем дело? — спросил он извозчика.

— Седок умом тронулся, — сказал извозчик, слезая с козел.

Милиционер подошел к седоку, осмотрел его и спросил:

— Вы, гражданин, куда едете?

— Ехал на Лермонтовский проспект, а теперь желаю в милицию.

— А зачем вам в милицию?

— Чтобы составить протокол. Извозчик нанес мне тяжкое оскорбление: назвал барином.

В толпе засмеялись.

— Тю-тю! — сказал кто-то.

— Каюк теперь ему! — подхватили рядом. —

Свезут к Николе-чудотворцу, а там могила вылечит.

На молодом, розовом лице милиционера было смущение.

— Гражданин, вы успокойтесь! — сказал он.

— Я уже спокоен, товарищ милиционер; и очень прошу доставить меня и извозчика в милицию.

— Ты, товарищ, тово... забирай этого барина. Я не повезу его, — сказал извозчик милиционеру.

— Ну, вот! Слышали, он опять назвал меня барином? — спросил седок. — Будьте свидетелями!

Милиционер, словно вспомнив что-то, заглянул в лицо седоку и сказал уверенным, повеселевшим голосом извозчику:

— Садись на козлы! Не бойся, дурачек! Гражданин выпимши. Вам который номер на Лермонтовском? — наклонился он к седоку.

Тот молчал.

Извозчик поправил шлею и полез на козлы, бормоча:

— А я-то, дурья голова, и не приметил, что барин с мухой. Но-о-о!..

Пролетка тронулась. Толпа стала расходиться.

Вдруг седок выпрыгнул на ходу из пролетки и крикнул, грозя извозчику кулаком:

— Убирайся к чорту, подхалим несчастный!

Извозчик придержал лошадь и сказал обидчиво:

— Не хорошо, гражданин, хулиганить, а еще барин...

— Эх-ха! — махнул рукой седок. — За восемь лет впервой собрался прокатиться на извозчике и... Ну, да ладно. Вот твои полтора рубля. Спасибо! Долго буду помнить.

И, подняв воротник, «чудной барин» исчез в переулке.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Автобиография	3
2. Даешь шпану!	4
3. Трест Фелицаты	13
4. Расслабленные	17
5. Происшествие	28
6. Расточители	34
7. «Чудной барин»	37

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

БЕГЕМОТ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

№ 1. **И. Ломакин.** Чужая шкура.
№ 2. **М. Зощенко.** Кризис.
№ 3. **Свэн.** Шахматн. турнир.
№ 4. **А. Григорович.** Скуки ради.
№ 5—6. **М. Зощенко.** Рассказы Назара Синебрюхова.
№ 7. **Ал. Григорович** и **Свэн.** Чудо на Сырых Болотах (сатирическая хроника).
№ 8. **К. Мазовский.** Кусок жизни.
№ 9. **С. Томский.** По народным судам.
№ 10. **Мих. Козырев.** Рассказы.
№ 11. **Э. Гард.** Заметки судебного репортера.
№ 12. **Свэн.** Совет дервиша.
№ 13. **М. Зощенко.** Рассказы.
№ 14. **В. Финк.** Рассказы ненужного человека.
№ 15. **В. Черний.** Даешь шпану!

ПЕЧАТАЮТСЯ:

№ 16. **В. Лебедев (Кумач).** Защитный цвет.
№ 17. **М. Медведев.** Следы допотопных.
№ 18. **В. Тоболяков.** Помпа.
№ 19. **Бор. Левин.** Чумчара.

Цена отдельного выпуска 10 коп.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ВМЕСТЕ С ЖУРНАЛОМ

БЕГЕМОТ

На 1 мес. . . . . — р. 95 к. || На 6 мес. . . . . 5 р. 35 к.
„ 3 „ . . . . . 2 „ 75 „ || „ 12 „ . . . . . 10 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ — в Гл. Конторе „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“ — ФОНТАНКА, 76. В отделении Гл. Конторы — ПРОСПЕКТ 25 ОКТЯБРЯ, 68. В Конторе „СЕВПЕЧАТИ“ — ПРОСПЕКТ 25 ОКТЯБРЯ 1, и во всех почтовых конторах СССР.

(8)
2-50
840440/1086 064040/1282

Цена 10 к.